

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЦУКАНОВ и ТОРЧИНСКИЙ против РОССИИ»

(жалобы №№ 35000/13 и 35010/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

Вынесено и вступило в силу
17 апреля 2018 года

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто
редакционной правке.*

По делу «Цуканов и Торчинский против России»
Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседавая
Комитетом в составе:

Хелен Келлер, *Председатель*,
Пере Пастор Виланова,
Мария Элосеги, *судьи*,
и Фатош Араци, *заместитель Секретаря Секции*,
проведя 27 марта 2018 года совещание за закрытыми дверями,
в указанный день вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании двух жалоб (№№ 35000/13 и 35010/13) против Российской Федерации, поступивших в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от двух граждан Российской Федерации: Филиппа Игоревича Цуканова и Артема Александровича Торчинского (далее — «заявители») 20 мая 2013 года.

2. Интересы заявителей в Суде представлял К. Терехов, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Жалобы были коммуницированы властям 24 марта 2014 года.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявители родились в 1984 и 1979 годах соответственно и проживают в г. Москве.

5. 14 декабря 2012 года Государственная Дума приняла в первом чтении законопроект о, в частности, введении запрета на усыновление российских детей гражданами США.

6. 17 декабря 2012 года в официальном ежедневнике «Российская газета» было опубликовано сообщение о том, что второе чтение по данному законопроекту запланировано на 19 декабря 2012 года.

7. По словам заявителей, из различных социальных сетей в интернете они узнали о том, что 19 декабря 2012 года многие люди собирались провести одиночные пикеты перед зданием Государственной Думы для того, чтобы выразить свое несогласие с законопроектом. Формат одиночного пикета был выбран в связи с отсутствием времени для соблюдения предусмотренного законом трехдневного срока на уведомление о проведении иных видов общественных собраний.-

8. Заявители решили провести собственные одиночные пикеты, в связи с чем около 9 часов утра с плакатами в руках подошли к зданию Государственной Думы и разместились на некотором расстоянии от других демонстрантов (см. постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалоба № 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 206-215).

9. По словам заявителей, через несколько минут после этого они были задержаны сотрудниками полиции и доставлены в отделение полиции. В 10:30 утра сотрудники полиции составили в отношении каждого заявителя *протокол административного доставления*. Как следует из составленного в это же время *протокола административного задержания*, заявители были доставлены в отделение полиции в 10:30 утра. Первый заявитель, Ф.И. Цуканов, собственноручно отметил в протоколе административного задержания, что фактически он был задержан в 9:20 утра. Второй заявитель, А.А. Торчинский, собственноручно отметил в протоколе административного доставления, что фактически он был задержан в 9:30 утра.

10. В отделении полиции обоим заявителям было предъявлено обвинение в организации и проведении группового общественного собрания без соответствующего предварительного уведомления, то есть в совершении правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – «КоАП РФ»). В протоколе об административном правонарушении указывалось, что правонарушения были совершены в 10 утра. Первый заявитель собственноручно отметил в протоколе административного задержания, что он пришел на площадку в 9:00, а в 9:20 был задержан.

11. Первый заявитель был освобожден в 13:20. Второй заявитель был освобожден в 13:10.

12. 15 января 2013 года мировой судья судебного участка № 369 Тверского района г. Москвы признал второго заявителя виновным в

нарушении части 2 статьи 20.2 КоАП РФ и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 20 000 рублей (что на тот момент составляло около 495 евро). Руководствуясь протоколами и показаниями сотрудника полиции, мировой судья признал установленным факт участия заявителя в «пикете» общей численностью 50 человек. Соответствующий «пикет» был проведен в нарушение требований закона, поскольку его организаторы не направляли уведомления в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – «Закон о публичных мероприятиях»). Заявитель размахивал плакатом, привлекая тем самым внимание собравшихся вокруг него прохожих и журналистов. Он не выполнил требование сотрудника полиции прекратить пикет.

13. 6 февраля 2013 года мировой судья судебного участка № 369 Тверского района г. Москвы признал первого заявителя виновным в нарушении части 2 статьи 20.2 КоАП РФ и назначил ему наказание в виде штрафа в размере 20 000 рублей (что на тот момент составляло около 495 евро); мотивировочная часть данного постановления была идентична мотивировочной части постановления от 15 января 2013 года. Мировой судья также сослался на протоколы, составленные сотрудниками полиции, а также на показания сотрудника полиции, проводившего задержание первого заявителя на месте проведения публичного мероприятия.

14. Оба заявителя обжаловали вынесенные постановления, отметив, что каждый из них проводил одиночный пикет, который не требует предварительного уведомления органов государственной власти. Первый заявитель также подчеркнул, что он был задержан раньше, чем было указано в протоколе об административном задержании.

15. 13 февраля и 11 марта 2013 года Тверской городской суд г. Москвы оставил в силе постановления, вынесенные в отношении второго и первого заявителя соответственно.

16. Второй заявитель обратился с требованием о пересмотре судебных постановлений по статье 30.12 КоАП РФ. 28 июня 2013 года заместитель председателя Московского городского суда частично удовлетворил данную жалобу и переквалифицировал предъявленные ему обвинения. Второго заявителя признали виновным в нарушении установленного порядка проведения публичных собраний участником, то есть в совершении правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. Размер штрафа был снижен до 10 000 рублей (что на тот момент составляло около 233 евро).

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

17. Краткий обзор национального права в области проведения публичных мероприятий, ответственности за его нарушение, а также порядка административного доставления и задержания изложен в упоминавшемся ранее постановлении по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 216-312; и в постановлении Европейского Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России» (*Novikova and Others v. Russia*), жалоба № 25501/07 и 4 другие жалобы, пункты 47-85).

18. С 6 января 2013 года закон города Москвы № 10 от 4 апреля 2007 года предусматривает, что минимально допустимое расстояние между лицами, осуществляющими одиночные пикеты, составляет 50 метров. Он также предусматривает, что проводимые одновременно пикеты могут рассматриваться в качестве одиночных при условии, что они не объединены единым замыслом и общей организацией (статья 2.3 вышеуказанного закона).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

19. В связи с тем, что данные жалобы относятся к общим фактам и правовым вопросам, Суд принял решение объединить две жалобы в одно производство в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

20. Заявители жаловались на незаконность их задержания, а также на то, что оно не являлось «необходимым в демократическом обществе». Суд считает целесообразным рассмотреть данную жалобу в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, которая в части, относящейся к рассматриваемому вопросу, предусматривает:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения ...»

А. Приемлемость

21. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является необоснованной по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Замечания сторон

22. Заявители утверждали, что они подверглись неоформленному задержанию и содержанию под стражей. Сотрудники полиции не оформляли протоколов об административном задержании. В протоколах об административных правонарушениях они также не указали на факт доставления заявителей в отделение полиции. Таким образом, задержание заявителей являлось незаконным. Более того, поскольку они не совершали каких-либо правонарушений, то их задержание не преследовало законной цели по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

23. Власти указали, что заявителей доставили в отделение полиции, после чего подвергли их административному задержанию для достижения законной цели – составления протокола об административном правонарушении. Несмотря на то, что российское законодательство не устанавливало предельных сроков для доставления лиц в отделение полиции, максимальная продолжительность административного задержания составляет не более трех часов. Власти обеспечили соблюдение данного требования по делам заявителей, срок административного задержания которых составил не более трех часов: с 10:30 до 13:20 в отношении первого заявителя и с 10:30 до 13:10 в отношении второго заявителя. Таким образом, предусмотренные законом процессуальные требования были соблюдены.

2. Оценка Суда

24. Суд повторяет, что выражения «законный» и «в установленном законом порядке» в пункте 1 статьи 5 Конвенции относятся

непосредственно к внутригосударственному праву и указывают на обязательство соответствовать его материальным и процессуальным нормам. Тем не менее «законность» содержания под стражей, согласно внутригосударственному праву, не всегда является определяющим фактором. Суд должен в дополнение убедиться, что содержание под стражей в рассматриваемый период соответствовало цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая состоит в том, чтобы предотвращать лишение лиц свободы произвольным образом. В этой связи он напоминает, что список исключений в отношении права на свободу, перечисленных в пункте 1 статьи 5, является исчерпывающим, и только узкое толкование этих исключений согласуется с целью этого положения, а именно, обеспечения, чтобы никто не был лишен свободы произвольно (см. постановление Европейского Суда от 1 июля 1997 года по делу «Джулия Манцони против Италии» (*Giulia Manzoni v. Italy*), пункт 25, *Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека* 1997-IV).

25. Суд отмечает, что оба заявителя были первоначально доставлены в отделение полиции на основании статьи 27.2 КоАП РФ, а впоследствии подверглись административному задержанию в соответствии со статьей 27.3 КоАП (см. пункт 9 выше).

26. В части, касающейся процедуры доставления в отделение полиции, необходимо отметить, что согласно протоколу об административном доставлении, оба заявителя были доставлены в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении. Статья 27.2 КоАП предусматривает, что подозреваемый в совершении правонарушения может быть доставлен в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении исключительно в случае, когда такой протокол не может быть составлен на месте обнаружения соответствующего правонарушения. Власти не отрицали тот факт, что в обстоятельствах дела каждого заявителя протоколы об административном правонарушении могли быть составлены на месте, и что материалы дела не свидетельствуют о наличии каких-либо препятствий для их составления на месте правонарушения (см. аналогичный подход в постановлении Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России» (*Navalnyy and Yashin v. Russia*), жалоба № 76204/11, пункты 68 и 93; и, с учетом соответствующих изменений, в упоминавшемся ранее постановлении Европейского Суда по делу «Новикова и другие против России», пункты 182-183).

27. В части, касающейся административного задержания заявителей, ни национальные органы, ни Власти государства-ответчика не указали предусмотренных статьей 27.3 КоАП РФ оснований для административного задержания, а именно не сослались

на то, что имели место «исключительные обстоятельства» и (или) это было «необходимо для безотлагательного и надлежащего рассмотрения административного дела и обеспечения исполнения наложенного наказания». В отсутствие каких-либо явных причин, приведенных властями для задержания заявителей, Суд полагает, что их административное задержание было незаконным (см. аналогичный подход в постановлении Европейского Суда по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*), жалоба № 74568/12, пункт 150, ECHR 2016 (извлечения)).

28. По указанным причинам Суд не удовлетворен тем, что доставление заявителей в отделение полиции и их административное задержание соответствовало требованиям российского законодательства настолько, чтобы являться «законным» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, в отношении каждого заявителя было допущено нарушение данного положения.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

29. Заявители ссылались на отсутствие прокурора в ходе судебного разбирательства по делу об административном правонарушении в их отношении. Они также полагали, что суды первой инстанции не были «созданы в соответствии с законом» и не обладали юрисдикцией по рассмотрению их дел. В обоснование своих доводов заявители сослались на положения пункта 1 статьи 6 Конвенции, которая в части, применимой к обстоятельствам настоящего дела, гласит:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела независимым и беспристрастным ... судом, созданным на основании закона».

30. Власти утверждали, что статья 6 Конвенции неприменима к обстоятельствам настоящего дела, поскольку заявителям было предъявлено обвинение в совершении административного правонарушения, а не уголовно-наказуемого деяния. Они также сослались на то, что ни в суде первой инстанции, ни в суде апелляционной инстанции заявители не поднимали вопроса о юрисдикции судов, а потому не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты. Власти также указали на то, что положения КоАП РФ не предусматривали обязательного участия прокурора при рассмотрении каждого дела об административном правонарушении. Представленные ими замечания были, по сути, аналогичны замечаниям, представленным при рассмотрении дела «Карелин против России» (см. постановление Европейского Суда от 20 сентября 2016 года по делу «Карелин против России» (*Karelin v. Russia*), жалоба № 926/08, пункты 46-48).

31. Заявители указали на то, что по смыслу статьи 6 Конвенции предъявленные им обвинения носили уголовно-правовой характер, но были рассмотрены мировым судьей, а не районным судом в соответствии с требованиями действующего законодательства. Они также подчеркнули, что, несмотря на то, что они не поднимали этот вопрос в национальных судах, последние были обязаны рассмотреть его *по собственной инициативе*. Кроме того, заявители полагали, что в отсутствие стороны обвинения судья принял на себя ее функции, занимаясь сбором и представлением обличительных доказательств путем вызова и допроса сотрудников полиции. Таким образом, суд не был «беспристрастным» по смыслу статьи 6 Конвенции.

А. Приемлемость

32. Во-первых, Суд принимает доводы Властей о том, что заявители не выполнили требования об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты по вопросу о наличии у суда соответствующей юрисдикции. Следовательно, данная жалоба подлежит отклонению в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции в связи с неисчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты (см. упоминавшееся ранее постановление по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 510).

33. Во-вторых, Суд ранее указывал на применимость статьи 6 Конвенции в ее уголовно-правовом аспекте к судебным разбирательствам, проводимым на основании статьи 20.2 КоАП РФ и завершившимся применением меры ответственности в виде штрафа (см. постановление Европейского Суда от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» (*Mikhaylova v. Russia*), жалоба № 46998/08, пункт 69). Необходимо также отметить, что во время рассматриваемых событий лицам, совершившим данное правонарушение, могло быть назначено альтернативное наказание в виде принудительных работ.

34. Суд отмечает, что жалоба на отсутствие стороны обвинения в ходе судебного разбирательства по делу об административном правонарушении не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является необоснованной по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

35. Ранее Суд устанавливал, что отсутствие стороны обвинения в ходе устного заседания, завершившегося признанием лица виновным в совершении административного правонарушения, является серьезным

нарушением требования пункта 1 статьи 6 Конвенции об объективной беспристрастности суда (см. упоминавшееся ранее постановление Европейского Суда по делу «Карелин против России» (*Karelin v. Russia*), пункты 69-84). Суд отмечает, что обязательные фактические и юридические элементы настоящего дела и дела «Карелин против России» (там же, пункты 59-68) являются схожими. Замечания сторон в настоящем деле не содержат оснований для отклонения Суда от постановления, вынесенного ранее.

36. Следовательно, в отношении каждого заявителя было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся требования к объективной беспристрастности.

37. Наконец, принимая во внимание указанный вывод, а также в отсутствие каких-либо конкретных замечаний со стороны заявителей, Суд не видит необходимости в отдельном рассмотрении вопроса о том, повлекло ли также отсутствие стороны обвинения, само по себе или в сочетании с другими процессуальными недостатками, какие-либо неблагоприятные последствия, в том числе нарушение принципа равенства сторон или требования о состязательности судебного процесса в обстоятельствах настоящего дела.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

38. Заявители жаловались, на то, что вынужденное прекращение их одиночных пикетов, их доставление в отделение полиции и содержание там, а также признание виновными в совершении административного правонарушения являлись незаконным и несоразмерным вмешательством в их право на свободу мирных собраний.

39. Учитывая характер и объем доводов заявителей, а также доводы Властей, отсылающие к положениям Закона о публичных мероприятиях, Суд считает целесообразным рассмотреть данную жалобу в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции, которые предусматривают:

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка в целях предотвращения беспорядков или преступлений...».

Статья 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...»

А. Приемлемость

40. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является необоснованной по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы*1. Замечания сторон*

41. Заявители утверждали, что они приняли участие в спонтанном публичном протесте против законопроекта, вводящего запрет на усыновление российских детей гражданами Соединенных Штатов Америки. Дата рассмотрения законопроекта Государственной Думой была объявлена за два дня до соответствующей акции. Таким образом, возможность соблюдения установленного трехдневного срок для направления уведомления о проведении протеста отсутствовала. Лица, выразившие намерение высказать свое несогласие с этим законом, не имели иного выбора, кроме как проводить «одиночные пикеты», проведение которых не требует предварительного уведомления властей. Несмотря на то, что участники акции протеста, в том числе заявители, располагались на расстоянии более пятидесяти метров друг от друга, власти расценили их выступления как единое публичное мероприятие, прекратили его, задержали участников и назначили им штрафы за участие в публичном мероприятии, проведенном без предварительного уведомления.

42. Власти сослались на незаконность действий заявителей по проведению публичного мероприятия без согласования с органами государственной власти. Таким образом, разгон данного мероприятия был законным и обоснованным. Они указали на то, что проведенное заявителями мероприятие не может рассматриваться в качестве спонтанного. Действительно, дата рассмотрения законопроекта была объявлена за два дня до этого, что сделало невозможным направление уведомления в установленные законом сроки. Вместе с тем, в этот день Государственная Дума рассматривала законопроект во втором

чтении, а для принятия закона требуется проведение трех чтений. Таким образом, заявители располагали достаточным временем для организации публичного мероприятия в соответствии с установленной законом процедурой до проведения третьего и окончательного чтения законопроекта Государственной Думой. Обстоятельства настоящего дела не свидетельствуют о наличии особых обстоятельств, единственной надлежащей реакцией на которые является незамедлительное проведение демонстрации. Таким образом, заявители законно подверглись ответственности в виде штрафа за участие в публичном мероприятии, проведенном без предварительного уведомления. Сумма штрафов была разумной.

2. Оценка Суда

43. Стороны согласились с тем, что прекращение участия заявителей в этом мероприятии, их сопровождение в отделение полиции, содержание в нем и признание виновными в совершении административного правонарушения представляют собой вмешательство в их право на свободу мирных собраний и право на свободу выражения мнения. Такое вмешательство представляет собой нарушение статей 10 и 11 Конвенции, за исключением случаев, когда оно предусмотрено законом, преследует одну или несколько законных целей, предусмотренных пунктом 2 соответствующей статьи, и является «необходимым в демократическом обществе».

44. Рассматривая требование «законности», Суд ссылается на сделанные им в пункте 28 постановления выше выводы в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции относительно доставления заявителей в отделение полиции и содержания там. Заявители не представили убедительных доводов относительно отсутствия в национальном законодательстве оснований для других описанных в пункте 43 постановления выше элементов «вмешательства». Таким образом, при рассмотрении настоящего дела Суд сосредоточит внимание на доводах, относящихся к иным аспектам анализа, и рассмотрит их с учетом сформулированных сторонами конкретных доводов.

(а) Одиночный пикет

45. В первую очередь, Суд принимает во внимание доводы заявителей о том, что каждый из них предпринял попытку участия в одиночном пикете, при этом место (здание, рядом с которым проводились пикеты) и время проведения одиночных пикетов совпали.

46. В связи с этим Суд ссылается на выводы, сделанные им относительно Закона о публичных мероприятиях в упоминавшемся выше постановлении по делу «Новикова и другие против России», пункты 193 и 197-199, который, независимо от требования установленного законом расстояния и соблюдения этого требования

отдельными пикетчиками, выступающими одновременно, наделял суды правом квалифицировать мероприятие как «собрание» *постфактум* (закрепленное в пункте 1.1 статьи 7 указанного закона «правило о переквалификации») и, соответственно, налагать наказание за несоблюдение предусмотренной законом процедуры предварительного уведомления. По мнению Европейского Суда, намеченные основные цели (такие как предоставление органам государственной власти возможности принять своевременные и адекватные меры для обеспечения порядка реализации данной гражданской инициативы, обеспечение общественной безопасности и защита прав участников мероприятия и других лиц) будут, как правило, полностью достижимы посредством разумного применения требования о расстоянии, без какой-либо «настоятельной общественной потребности» (касающейся необходимости достижения, например, упоминавшейся или иной конкретной законной цели) для применения «правила о переквалификации» и обеспечения соответствующей процедуры предварительного уведомления.

47. Отметим, что до января 2013 года в г. Москве не применялись какие-либо требования относительно расстояния между демонстрантами (см. пункт 18 выше). В то же время, Суд не находит каких-либо оснований сомневаться в том, что каждый заявитель всего-навсего стоял с плакатом в руках на определенном, очевидно значительном расстоянии от других демонстрантов в непосредственной близости от здания Государственной Думы, что каждый заявитель вел себя мирно и не вызываясь. Национальные суды рассмотрели данную ситуацию в качестве единого группового мероприятия в форме статичной демонстрации. Вместе с тем, в обстоятельствах настоящего дела какие-либо убедительные соображения, касающиеся общественной безопасности, предотвращения беспорядков или защиты прав других лиц, не обсуждались и не упоминались при привлечении каждого заявителя к ответственности за несоблюдение уведомительной процедуры и присвоении по меньшей мере одному из них активной роли в данном мероприятии (см. пункты 10, 12, 13 и 16 постановления выше). Единственное значимое соображение касалось необходимости наказания незаконного поведения по единственной причине несоблюдения уведомительной процедуры. Применительно к обстоятельствам настоящего дела, такое соображение представлялось явно недостаточным при отсутствии иных отягчающих обстоятельств, обуславливающих вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнения.

(b) Спонтанное собрание

48. С другой стороны, если с достаточной степенью уверенности допустить, что заявители приняли участие в «собрании» (с участием другого заявителя и(или) иных лиц) по смыслу статьи 11 Конвенции, настоящее дело затрагивает вопросы проведения так называемых «спонтанных собраний». Данный вопрос уже рассматривался Судом в том же контексте в упоминавшемся ранее постановлении по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 443-452. Суд, в частности, указал, что Закон о публичных мероприятиях не устанавливает каких-либо особых обстоятельств, требующих незамедлительного применения мер в ответ на проведение спонтанного «собрания» по смыслу пункта 1 статьи 11 Конвенции.

49. Суд отмечает, что заявители хотели выразить свое несогласие с законопроектом, вводящим запрет на усыновление российских детей гражданами США. Дата рассмотрения данного законопроекта парламентом была оглашена за два дня до его рассмотрения, в связи с чем протестующие не имели возможности выполнить требование о заблаговременном трехдневном уведомлении о проведении «пикетов» (см. пункт 5-7 постановления выше). Таким образом, непринятие мер по достаточно заблаговременному уведомлению общественности о дате рассмотрения законопроекта в парламенте поставило протестующих перед выбором: отказаться от своего права на мирные собрания вообще, либо реализовать его в нарушение административно-правовых требований (см. упоминавшееся ранее постановление по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 453).

50. В ходе судебного разбирательства в отношении каждого заявителя национальные суды ограничились оценкой лишь установлением их факта участия в «пикете», проведенном без предварительного уведомления, но не рассмотрели вопроса о том, имелись ли такие особые обстоятельства, требующие незамедлительного применения мер в ответ на проведение спонтанного собрания и обосновывающие отклонение от строгого применения требования о сроках предварительного уведомления (см. пункты 12-13 постановления выше). В отсутствие надлежащего судебного анализа указанных вопросов в делах, касающихся применения КоАП РФ, или в ходе отдельных судебных разбирательств, Суд не может рассуждать о том, свидетельствовали ли факты по настоящему делу о наличии особых обстоятельств, единственной надлежащей реакцией на которые было незамедлительное собрание. Со своей стороны, Власти не привели убедительных причин, почему недопущение любых исключений из применения процедуры уведомления, в том числе требования о соблюдении установленного предельного срока для подачи уведомления, являлось «необходимым в демократическом обществе» в обстоятельствах, не допускающих возможности соблюдения

указанного срока. По мнению Суда, автоматическое и неизбирательное применение сроков направления уведомления без учета конкретных обстоятельств настоящего дела является вмешательством, которое не было оправдано в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции (см. упоминавшееся ранее постановление по делу «Лашманкин и другие против России», пункты 473 и 475).

(с) Заключение

51. Принимая во внимание выводы, содержащиеся в пунктах 28, 47 и 50 постановления выше, Суд полагает, что государство-ответчик нарушило требования пункта 2 статьи 11 Конвенции, рассматриваемые в свете статьи 10 Конвенции.

52. Таким образом, в отношении каждого заявителя было допущено нарушение статьи 11 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

53. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

54. Каждый заявитель требовал 12 000 евро в качестве компенсации морального вреда.- А.А. Торчинский также требовал 10 000 рублей в качестве компенсации материального ущерба, а именно суммы уплаченного им штрафа.

55. Власти сочли требования о компенсации морального вреда чрезмерными. В части, касающейся требований о взыскании материального ущерба, они отметили, что штраф являлся законным наказанием за совершенное А. Торчинским административное правонарушение.

56. Суд полагает, что существует прямая причинная связь между установленным нарушением статьи 11 Конвенции и уплаченным А. Торчинским штрафом (см. аналогичный подход в упоминавшемся ранее постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 515, и упоминавшемся ранее постановлении Европейского Суда по делу «Новикова и другие против России», пункт 232). Таким образом, Суд присуждает А. Торчинскому 144 евро в качестве компенсации материального ущерба плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.

57. Принимая во внимание характер и объем нарушений статей 5, 6 и 11 Конвенции в отношении каждого заявителя, а также производя оценку на справедливой основе, Европейский Суд присуждает каждому заявителю 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма.-

В. Расходы и издержки

58. Каждый заявитель требовал взыскать в его пользу 8 500 евро в счет оплаты услуг представителя в Суде, а также 32 евро в счет оплаты почтовых расходов. Заявители представили копии соглашений об оказании юридических услуг и почтовые квитанции, а также просили перечислить расходы на представителя непосредственно на банковский счет их представителя К. Терехова.

59. Власти сослались на чрезмерность и необоснованность суммы расходов на представителя в Суде, а также на то, что почтовые квитанции не содержали данных о том, что соответствующие письма были направлены в адрес Суда.

60. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в которой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. Принимая во внимание указанные критерии, а также представленные в его распоряжение документы, Суд считает разумным присудить общую сумму в размере 3 000 евро в качестве расходов на оплату услуг представителя обоих заявителей плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, которая подлежит перечислению на банковский счет их представителя К. Терехова, а также присудить каждому заявителю 32 евро в качестве компенсации почтовых расходов.

С. Проценты за просроченный платеж

61. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной процентной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил объединить данные жалобы в одно производство;*

2. *признал* жалобы на основании пункта 1 статьи 5, пункта 1 статьи 6 в части, касающейся отсутствия стороны обвинения в ходе судебного разбирательства по административному делу, а также жалобы на основании статьи 11 Конвенции неприемлемыми, а оставшуюся часть жалоб неприемлемой;
3. *постановил*, что в отношении каждого заявителя было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*, что в отношении каждого заявителя было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся требования к объективной беспристрастности;
5. *постановил*, что в отношении каждого заявителя было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
6. *постановил*,
  - (а) что государство-ответчик должно выплатить в течение трех месяцев следующие суммы, подлежащие переводу в российские рубли по курсу на день выплаты:
    - (i) 144 (сто сорок четыре) евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, А.А. Торчинскому в качестве компенсации материального ущерба;
    - (ii) 10 000 евро (десять тысяч евро) плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда;
    - (iii) 3 000 (три тысячи) евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации расходов заявителей на представительство в Суде, которая подлежит перечислению на банковский счет их представителя К. Терехова;
    - (iv) 32 (тридцать два) евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, каждому заявителю в качестве компенсации почтовых расходов;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
7. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменном виде отправлено 17 апреля 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араци
Заместитель Секретаря Секции

Хелен Келлер
Председатель